

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

АНТИЧНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБЩНОСТИ

XXIX Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Москва, 19–21 апреля 2017 г.

Материалы конференции

Москва
2017

ББК 63.3
В 782

Конференция проводится при поддержке РФФИ,
проект № 17-01-14030

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Т.М. Калинина (ответственный секретарь)
к.и.н. И.М. Никольский (ответственный секретарь)
к.и.н. Ю.А. Артамонов
д.и.н. Т.В. Гимон
д.и.н. Т.Н. Джексон
д.и.н. И.Г. Коновалова
к.и.н. Е.В. Литовских
к.филол.н. В.И. Матузова
д.и.н. А.В. Назаренко
д.и.н. А.В. Подосинов
д.и.н. Л.В. Столярова
к.и.н. А.С. Щавелев

ISBN 978-5-94067-475-7
В 782

© Институт всеобщей истории РАН, 2017 г.
© Авторы, 2017 г.
© Редакционная коллегия, 2017 г.

**КОРОЛЕВСТВО ВАНДАЛОВ В РИМСКОЙ АФРИКЕ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ НОВОГО ФОРМАТА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ АНТИЧНОСТИ
К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ**

Период V–VII вв. можно считать ключевым с точки зрения проблем трансформации «старых» античных и формирования «новых» средневековых общностей. На фоне разрушения Римской империи и бурных миграционных процессов – Великого переселения народов – в Европе и на севере Африки формировались и действовали новые политические образования, варварские королевства, сложившиеся в результате синтеза деятельности местного, римского и пришлого, варварского населения.

Одним из первых таких образований было королевство вандалов в Северной Африке (439–534 гг.). Судьба этого королевства по-своему уникальна. Во-первых, оно возникло еще до падения Западной Римской империи – и его право на самостоятельное существование было официально признано императорами и Запада, и Востока. Во-вторых, среди варварских королевств оно было одним из самых романизованных. Чтобы представлять масштаб соотношения пришлого вандальского населения (вандалы переехали в Африку из Испании) и местного, в основном римского, латиноязычного, достаточно иметь в виду, что количество переселенцев оценивается в 80 тыс. человек, а в одном только Карфагене на момент завоевания проживало порядка 300 тыс. человек (Dossey 2010. P. 23).

Такая солидная разница в численности не помешала вандалам установить контроль почти над всем североафриканским побережьем Средиземного моря, а также над Корсикой, Сицилией, Сардинией и Балеарскими островами – и на протяжении почти ста лет удерживать эту территорию под своей властью. Добиться этого, используя исключительно военную силу, вряд ли было возможно; важная роль отводилась пропаганде, что предполагало взаимодействие пришельцев с местным населением, в частности с местной политической элитой: представителями римской знати, выходцами из сенаторских родов, наконец,

просто с кругом интеллектуалов, имевших образование и риторическую подготовку. Вандальские вожди вполне могли рассчитывать по крайней мере на отдельных представителей этого слоя не просто как на потребителей собственной пропаганды, но как на ее рупор – и даже как на ее творцов.

Образцы такой пропаганды появлялись в вандальском королевстве довольно регулярно, на протяжении почти всего времени его существования, начиная со второго по счету правителя, Хунериха (477–484) – и заканчивая последним, Гелимером (530–534). В первую очередь это панегирики (поэтические сочинения Флорентина, Луксория, Феликса) и другие, близкие им по жанру тексты (произведения Блоссия Эмилия Драконция). Прежде всего через них транслировалась политическая доктрина и в частности – модель идеального правителя.

В сочинениях Драконция (*Satisfactio*, «Искупление», написано при короле Гунтамунде [484–496]), панегириках Флорентина (посвящено королям Тразамунду [496–523] и Хильдериху [532–530]), Луксория (Хильдериху [523–530]) в этом смысле явно виден «римский след». Писатели так или иначе обращаются к образам императоров – либо ставя их в пример (*Sat.* 175–190), либо подчеркивая родственные связи королей с ними (*Anthologia Latina* 1894. S. 182–183 [Флорентин]), либо апеллируя к кругу традиционных для римских правителей добродетелей («милосердие» – *clementia*, «благочестие» – *pietas*; см. *Sat.* 192–193, 201–202). Особое место среди риторических приемов, которыми пользуются авторы, занимает политическая терминология, понятия, непосредственно обозначавшие вандальских королей.

Среди них обращает на себя внимание слово *dominus*, в поздней империи традиционно связывавшееся именно с императорами, а не с правителями какого-то другого уровня. Начиная с Гунтамунда этот термин стал популярным обозначением вандальских королей, причем в источниках разных видов: не только в литературных текстах (*Sat.* 93–94; *Anthologia Latina* 1894. S. 176 [Луксорий], 288–289 [Флорентин]), но и в легендах монет (Wroth 1911. P. 8–16; Berndt, Steinacher 2008; Никольский 2017). Более ранняя традиция, в виде, к примеру, панегирика Катона, адресованного Хунериху (477–484), знала королей только как *reges* (*Anthologia Latina* 1894. S. 295 [Катон]). Впоследствии, во времена Гунтамун-

да и после него, это определение не вышло из употребления, а составило со словом *dominus* устойчивое сочетание, отсылающее, помимо всего прочего, к библейской традиции (Никольский 2016).

Но главный вложенный в него смысл состоял все же именно в наделении королей квази-императорским статусом. Об этом свидетельствуют контексты, в которых возникало слово *dominus*. Флорентин, автор панегирика Тразамунду, приурочил свое произведение к празднованию годовщины вступления короля на престол – *sollemnibus annua votis*, – ритуал которого восходил к римской традиции (Clover 1986. P. 9). Драконций в сочинении *Satisfactio*, адресованном Гунтамунду, приводил тому в пример Цезаря, Августа, Тита и Коммода. Упомянутые монеты с легендами *dominus noster rex*, появившиеся при том же Гунтамунде, содержали еще и изображение вандалских королей с атрибутами императорской власти: диадемой и плащом-палудаментумом.

Очевидно, что происходил процесс «империализации» вандалов руками римских латиноязычных интеллектуалов, и поворотный момент в нем пришелся, видимо, на время Гунтамунда, т.е. на 480–490-е годы. Объяснением развития пропаганды именно в это время может служить конфликт внутри вандалской элиты, борьба за престол, которую вели между собой после смерти основателя королевства Гейзериха (428–477) его наследники и их кланы. Этот конфликт впервые ярко дал о себе знать в виде столкновения между Хунерихом и Гунтамундом (Merrills 2010) и с разной степенью интенсивности развивался до самого конца самостоятельной жизни королевства, став одной из причин его падения.

Парадоксальный эффект его влияния на политическую жизнь внутри королевства состоял в том, что в условиях этой борьбы орудием пропаганды оказывались сочинения не только лояльно, но и совершенно враждебно настроенных по отношению к вандалам авторов – а основания для такого отношения у живших в Африке римлян были: например, гонения, которые исповедовавшие арианство вандалские короли устроили против местных христиан-ортодоксов.

Показательно, что первое известное упоминание вандалского короля под словом *dominus* в повествовательных текстах принадлежит как раз описавшему историю этих гонений Виктору Витенскому (Vict. Vit. IV. 4.5) – а его произведение «История гонений» с

Хунерихом в роли главного антигероя было завершено в окончательной редакции при Гунтамунде, преемнике и злейшем враге последнего. Впоследствии Фульгенций, епископ Руспы, также довольно критически относившийся к арианству, в своих письмах королю Тразамунду использовал эпитеты, отсылающие к традиции репрезентации римских императоров: *piissimus* («благочестивейший»), *clementissimus* («милосерднейший») – Fulg. 1.1.1–2.

Даже убежденные противники вандалских королей, таким образом, оказывались в роли придворных пропагандистов. Во-первых, даже в критике все равно отзывалась мысль, что власть – сильна: во всяком случае использование квази-императорской терминологии явно указывало на ее трансляцию. Во-вторых, поскольку вандалские правители конфликтовали друг с другом, каждый критический выпад того или иного автора против того или иного короля мог быть использован противником последнего.

В совокупности все эти обстоятельства привели к появлению феномена римско-вандалской политической доктрины, призванной сформировать основу легитимности как вандалских королей, так и самого королевства. Она была ответом на вызовы, которые возникали из-за институциональной слабости этого государственного образования, слабой королевской власти, конфликтов между элитами и внутри элит. Ее формирование и воспроизводство стало именно той точкой, в которой смогли сойтись интересы разных враждующих этнических и религиозных групп – дав возможность говорить о них как о новой политической общности. Однако соответствующих усилий этой общности не хватило для того, чтобы долго удерживать королевство в целостности и сохранности: в ходе кампании 530–534 гг., формальным основанием для которой послужила очередная узурпация власти (Хильдерика сверг Гелимер) и необходимость защитить интересы свергнутого легитимного правителя, его захватила Византия (см. об этом: Никольский 2015).

Источники и литература

Никольский И.М. Гейзерих – автократор вандалов: как варварский король получил императорский титул // Цивилизация и варварство: Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство. М., 2015. Вып. 4. С. 285–302.

- Никольский И.М.* Поэт Драконций и его «Оправдание»: Латинская поэзия как инструмент политической пропаганды в королевстве вандалов // ВЕДС–XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 206–212.
- Никольский И.М.* *Dominus noster rex* – что означала надпись на вандальских монетах? // ДГ, 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017 (в печати).
- Anthologia Latina* / Ed. A. Riese. Leipzig, 1894. Pars 1.
- Berndt G.M., Steinacher R.* Minting in Vandal North Africa: coins of the Vandal period in the Coin Cabinet of Vienna's Kunsthistorisches Museum // *Early Medieval Europe*. 2008. Vol. 16, N 3. P. 252–298.
- Clover F.M.* Felix Carthago // *Dumbarton Oaks Papers*. 1986. Vol. 40. P. 1–16.
- Dossey L.* Peasant and Empire in Christian North Africa. Berkeley; Los Angeles; L., 2010.
- Fulg.* = *St. Fulgentii Ad Thrasamundum libri tres* // *Corpus Christianorum. Series latina*. Turhout, 1968. T. 91. S. 97–185.
- Merrills A.* The Secret of My Succession: Dynasty and Crisis in Vandal North Africa // *Early Medieval Europe*. 2010. Vol. 18, N 2. P. 135–159.
- Sat.* = *Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalarum* / Ed. F. Vollmer // *MGH SS AA*. Berolini, 1905. T. 14. P. 114–131.
- Vict. Vit.* = *Victor Vitensis. Historia persecutionis Africae* / Ed. C. Halm // *MGH SS AA*. Berolini, 1879. T. 3, pars 1. P. 1–58.
- Wroth W.* Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British museum. L., 1911.

Д.В. Обрезкова

**INTRA PALATIUM MILITANTES: ПРИДВОРНЫЕ
СЛУЖАЩИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО
(ПО ДАННЫМ ПОЗДНЕРИМСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА IV – НАЧАЛА V в.)**

В настоящее время взгляд на придворных как на единое общество является уже устоявшейся традицией. Чаще всего объектом подобных исследований являются дворы монархов Средневековья и раннего Нового времени, однако впервые в европейской культуре подобное сообщество сложилось во времена Римской империи. Термин «придворный» (*aulicus*) применяется по отношению ко двору римского императора уже в эпоху Принципата, однако, по мнению большинства исследователей,